

ГАЛЛИПОЛИ 1920-1950 гг.

къ ТРИДЦАТИЛѢТІЮ ВЫСАДКИ 1-го АРМЕЙСКАГО КОРПУСА ВЪ ГАЛЛИПОЛИ.

ИЗДАНИЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛІЙЦЕВЪ.

Подъ редакціей шт. кап. В. ПОЛЯНСКАГО.

П Р И К А З Ъ

Русскому Обще-Воинскому Союзу № 30

Брюссель.

22 ноября 1950 года.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Русская Армія, героически борюшаяся на югѣ Россіи въ теченіе трехъ лѣтъ противъ поработителей нашей Родины, вынуждена была подъ напоромъ превосходнаго численія противника оставить предѣлы Родной Земли. 9/22 ноября 1920 года Русскіе воины высадились на пустынныхъ, негостепріимныхъ берегахъ Галлиполійскаго полуострова.

Въ своемъ приказѣ передъ эвакуаціей Главнокомандующій Арміи, Генералъ ВРАНГЕЛЬ писалъ:

«Дальнѣйшіе пути наши полны неизвѣстности. Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны.

«Да испоможетъ Господь всѣмъ силы и разумъ одолѣть и пережить русское лихолѣтіе».

Казалось, съ исходомъ Арміи изъ предѣловъ Россіи все кончено... Но это только казалось...

Свершилось чудо. И день, казалось бы, гибели Арміи, роспуска которой требовали и союзники, и многіе русскіе политическіе дѣятели, сталъ днемъ ея ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Героическая БОРЬБА Генерала ВРАНГЕЛЯ противъ союзниковъ на Босфорѣ за сохраненіе Арміи, энергичное, твердое РУКОВОДСТВО ея остатками Генерала КУТЕПОВА на Галлиполи, НЕСЛОМЛЕННЫЙ ДУХЪ чиновъ Арміи, несмотря на трехлѣтнюю, кровавую борьбу противъ численно превосходныхъ силъ противника и оставленіе Родной Земли, и БЕЗГРАНИЧНАЯ, ЖЕРТВЕННАЯ ПРЕДАНОСТЬ ИХЪ РОССІИ — одолѣли всѣ препятствія. Въ тяжелыхъ условіяхъ полуголоднаго существованія, при полной неизвѣстности своего будущаго Русскіе Воины закалялись и крѣпко спаялись въ прочную воинскую семью — ГАЛЛИПОЛІЙЦЕВЪ, сохранившую въ теченіе 30 лѣтъ изгнанія свою крѣпкую спайку, единство и не-

примиримость къ поработителямъ нашей Родины, памятуя, что только смерть можетъ освободить насъ отъ исполненія долга передъ РОССІЕЙ, и являющуюся потомъ основой Русскаго Обще-Воинскаго Союза, хранителя традицій Россійской ИМПЕРАТОРСКОЙ и БѢЛЫХЪ Армій и кадра будущихъ русскихъ національных формированій.

Въ этомъ историческая заслуга Галлиполи и Галлиполійцевъ, сказавъ въ послѣднемъ своемъ на Галлиполи приказѣ: «Глубоко убѣжден, что наступитъ время, когда каждый изъ насъ у себя на Родинѣ будетъ съ гордостью говорить: я былъ на Галлиполи».

Не сомнѣваюсь, что Галлиполійцы и впредь сохранятъ высокія свои качества и, вѣрные заветамъ нашихъ Вождей, ГОТОВНОСТЬ возобновить, НИЧЕГО НЕ ИЩА ДЛЯ СЕБЯ, нашу Бѣлую Борьбу, начатую еще на просторахъ РОССІИ и возобновленную потомъ, во время 2-й мировой войны, полъ именемъ «Освободительнаго Движенія».

Въ этой борьбѣ Галлиполійцы будутъ не одиноки: съ ними будутъ и другіе Бѣлые Воины, борюшіеся на другихъ фронтахъ и не прошедшіе Галлиполійской страды, съ ними будутъ и Воины Освободительнаго Движенія. Съ ними душой будетъ и Русскій Народъ, на долгую опытъ познавшій гнетъ и ложь Совѣтской власти.

Да поможетъ же намъ БОГЪ не только исполнить заветъ Генерала ВРАНГЕЛЯ — «одолѣть и пережить русское лихолѣтіе», — но и, перенеся на Родину «свѣточъ», зажженный нашими Вождями на югѣ Россіи, довершить на родной землѣ дѣло освободенія РОССІИ и тѣмъ исполнить нашъ долгъ до конца.

Ген.-Лейт. Архангельскій.

Мало кому известно, что съ Галлиполи и съ Галлиполійскимъ Обществомъ связана большая литература. Кромѣ книгъ и статей въ сборникахъ, журналахъ и газетахъ, выпускались галлиполійскіе періодическіе журналы, среди которыхъ первое мѣсто занималъ «Галлиполійскій Вѣстникъ», и Информационные бюллетени въ многихъ странахъ нашего разсѣланія.

Имѣя Главное Правленіе О-ва Галлиполійцевъ дѣлаетъ первый шагъ къ возстановленію этой стороны дѣятельности Общества.

Не только воспоминанія о прошломъ связываютъ галлиполійцевъ воедино — передъ ними настоятельно ставятся къ разрѣшенію и всѣ современныя проблемы жизни. Конечно, среди общей періодической печати галлиполійцы находятъ изданія наиболѣе имъ близкія по духу, и мы имѣемъ постоянныя доказательства тому, что они умѣютъ оказывать существенную дружескую поддержку та-

кимъ органамъ печати — но свой галлиполійскій журналъ могъ бы ближе и подробнѣе отзываться на нѣкоторыя темы. Обстоятельства пока не позволяютъ осуществить эту насущную необходимость въ особомъ печатномъ изданіи.

Памятка, выпускаемая къ 30-лѣтію высадки 1-го Армейскаго Корпуса въ Галлиполи, оказалась столь ограниченныхъ размѣровъ, что у насъ остается неопечатаннымъ рядъ статей, въ частности статьи ген. А. М. Драгомирова, полк. Бояринцева, С. А. Водова, кап. Григуля, В. Ф. Зеллера, Б. К. Зайцева, пор. В. А. Лазаревского, шт.-кап. В. Поляскаго, полк. С. Н. Ряснянскаго, полк. В. А. Пратаговича, полк. Горбача, изъ цѣннаго же дневника кап. Г. Орлова взята лишь нѣкоторая часть.

Если моральный и матеріальный успѣхъ выпускаемой нами памятки не обманетъ ожиданій, мы предполагаемъ продолжать изданіе отдѣльными выпусками.

Тридцать лѣтъ

О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный.
Тютчевъ.

Высадка въ Галлиполи... «Чудо Галлиполи». Общество Галлиполійцевъ. Разселеніе по всѣму земному шару...

Въ этотъ день, памятный и печальный — тридцать лѣтъ безъ Родины, тридцать лѣтъ разочарованій — шлю всѣмъ Галлиполійцамъ «въ разсѣяніи сушимъ» свой искренній привѣтъ.

Вѣрю въ торжество духа и правды.

Вѣрю въ воскресеніе Россіи. А мы, Ея зарубежные воины, исполнимъ нашъ долгъ до конца.

Наше единеніе доказываетъ наличие воли и бодрости духа.

Да поможетъ намъ Господь продолжить начатое на Россійскихъ поляхъ служеніе Родинѣ и увидѣть день Ея возрожденія.

Парижъ.

Генералъ-Майоръ Буровъ.

**

Черный крестъ «Галлиполи» — связующее звено. Онъ будитъ въ насъ воспоминанія и зоветъ къ будущему.

Пусть въ этотъ день наши сердца загорятся той же вѣрой, которая свѣтила намъ на уже пройденномъ пути служенія нашей Родинѣ.

Вѣрныя той духовной спайкѣ, что создавалась въ бояхъ и закрѣпилась въ Галлиполи — символъ Бѣлой борьбы на всѣхъ Россійскихъ фронтахъ, мы не должны, не имѣемъ права быть обывателями и быть захлестными повседневностью.

Моральный контроль надъ собою, моральная поддержка сосѣду. Самовоспитаніе, совершенствованіе, организованность. Быть готовыми — всѣ пригодятся, всѣмъ найдется работа.

Приказомъ Начальника РОВС-а за № 1611 возсоздано, впрямъ до возможности произвести выборы. Врем. Главн. Правленіе Общества Галлиполійцевъ подъ предсѣдательствомъ Ген. Штаба генераль-майора Бурова при секретарѣ капитанѣ Бобченко. Члены Правленія: полк. Левашовъ, полк. Ряснянскій, полк. Горбачъ, кап. Григуль, кап. Орѣховъ и кап. Полянскій.

Въ данное время существуютъ отдѣлы Общества — во Франціи и Бельгіи. Отдѣленія — в Аргентинѣ, Калифорніи, Келдербергѣ. Наблагенная связь и принимаются мѣры къ объединенію — Австралія, Сѣв. Америка, Англія, Марокко, Швейцарія и Бразилія.

Вѣрю, что Галлиполійцы, не связавшіеся еще съ обществомъ, найдутъ пути для возстановленія этой связи.

Капитанъ Бобченко.

ПРОШЛОЕ

Въ насъ духъ отцовъ-богатырей
И дѣло наше правъ —
Сумѣемъ честь мы отстаять
Иль умереть со славою!

15-го ноября 1920 года Русская армия генерала Врангеля покинула Россію. За нею остались шесть лѣтъ войны Мировой и Гражданской.

О томъ, что предстояло ей впереди, исчерпывающе говорилъ послѣдній приказъ Главнокомандующаго, изданный на Русской землѣ: «Дальнѣйшіе пути наши полны неизвѣстности. Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ...»

22-го ноября, для частей 1-го армейскаго корпуса, «другой землей» временно стало Галлиполи!

Въ эти страдные дни я былъ далеко отъ родной мнѣ арміи. Въ концѣ мая, вызванный Главнокомандующимъ въ Джанкой, я получилъ приказъ отправиться въ Берлинъ и смѣнить тамъ представителя арміи полковника Брандта. Когда, послѣ долгихъ мытарствъ съ визами, проѣхавъ шесть государственныхъ границъ съ двѣнадцатью таможенями, которыя тогда были и часты, и придирчивы, я къ концу юля прибылъ въ Берлинъ — полковникъ Брандтъ уже былъ смѣненъ присланнымъ изъ Парижа генераломъ Хольмсеномъ. Я получилъ приказъ Главнокомандующаго выѣхать въ Копенгагенъ, гдѣ временно замѣнить вызваннаго въ Севастополь генерала Поточкаго.

Изъ Крыма вѣсти доходили рѣдко и были нерадостны.

Однако, мы рѣшили день основанія Добровольческой Арміи отмѣтить возможно парадно и начали съ торжественнаго богослуженія въ русской церкви, на которое пригласили представителей всѣхъ тогдашнихъ союзниковъ.

Старая, еще Императорскихъ временъ, русская церковь въ столицѣ Даніи въ этотъ день была переполнена. Впереди всѣхъ видна была изящная и совсѣмъ не старѣющая фигура Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, которая такъ до своей кончины и не покидала Копенгагена. За нею представители «союзниковъ». Служба была длительная и бѣдный французскій дипломатъ съ видимымъ отчаяніемъ выполнялъ свои «союзническіе обязательства» и честно выстоялъ всю непривычную ему службу.

Настроеніе было праздничное, но уже можно было отмѣтить безпокойство о судьбѣ нашей арміи, которое проявляли французы. До

нихъ уже, повидимому, кое какія вѣсти докатились.

Немного позже докатились эти вѣсти и до насъ... съ каждымъ днемъ для нашей русской колоніи все яснѣе и яснѣе становилось, что съ арміей въ Крыму произошла катастрофа... Но подробностей никакихъ не было, и только телеграмма, присланная покинувшимъ вмѣстѣ съ арміей Крымъ генераломъ Поточкимъ — его женѣ — окончательно убѣдила насъ въ томъ, что **бѣлаго** фронта на Югѣ Россіи уже **нѣтъ**...

Въ остальномъ — полная неизвѣстность... Мѣстныя власти еще ровно ничего не знали. Союзники, ранѣе любезные и предупредительные, стали говорить холодно и невразумительно. Почва, и до того уже достаточно зыбкая, просто уходила изъ подъ ногъ. Мой «сосѣдь», генераль Хольмсенъ въ Берлинѣ, зналъ не больше меня... **Кого** мы съ нимъ представляли, **отъ имени кого** должны были говорить, защищая интересы русскихъ военныхъ, и тогда уже въ большомъ количествѣ находившихся въ Западной Европѣ, было неизвѣстно. Армія, которая однимъ своимъ присутствіемъ въ Крыму давала намъ твердую опору, находилась неизвѣстно гдѣ... Слуховъ было зато безъ конца и притомъ одинъ другого хуже и одинъ другого грознѣе...

А тамъ, на другомъ концѣ Европы, развивалась драма высидившейся на Галлиполи арміи... Отчаянной энергіей Главнокомандующаго велась неравная борьба противъ «союзниковъ» на Босфорѣ. Упорной волей генерала Кутепова создавалось то «Галлиполи», о которомъ теперь мы знаемъ такъ много. Солдаты и офицеры переживали тяжкій переломъ, немного отходили отъ напряженій послѣднихъ лѣтъ и въ своей вѣрѣ въ генераловъ Врангеля и Кутепова находили опору, чтобы такъ или иначе приспособиться къ тяжелой обстановкѣ и **несмотря** на ея трудности **возсоздать** армию...

Въ тѣ дни, вѣроятно, никто изъ чиновъ арміи не вспомнилъ о насъ, представителяхъ ея, находившихся въ разныхъ странахъ Европы, не могъ подумать, въ какой степени на насъ отражались переживания ихъ въ лагеряхъ Галлиполи! Только генераль Врангель, давая намъ тѣ или иныя порученія и отдавая намъ

приказы для переговоров с «загранницей», все время напоминая нам, что **армия существует».**

Съ напряженным волнением слѣдили мы за всѣми переменами въ жизни арміи и старались использовать ея успѣхи для проведенія нашей заграничной работы. Перемены эти явно отмѣчались въ отношеніяхъ къ намъ иностранцевъ, хотя и сопротивлявшихся возрожденію арміи, но съ видимымъ уваженіемъ относившихся къ ея упорной борьбѣ за свое существованіе: сначала отмѣченное русской печалью (иногда враждебной) возстановленіе рядовъ арміи въ Галлиполи, гдѣ «Галлиполицами» сталъ весь 1-й армейскій корпусъ, потомъ расселеніе частей въ славянскихъ стра-

нахъ и въ Венгріи (въ послѣдней я принимала уже непосредственное участіе въ качествѣ представителя Главкомаандующаго въ Будапештѣ), а потомъ при созданіи Русскаго Обще-Воинскаго союза.

Мужественное упорство Галлиполицевъ, а потомъ и переживанія частей арміи въ Болгаріи, было **единственной** основой успѣха или неуспѣха нашей работы внѣ арміи... объ этомъ, конечно, **не знали** наши Галлиполицы въ тѣ дни, когда стрѣли свой лагерь на негостепримно встрѣтившемъ ихъ полуостровѣ. Но мы го знали и страдали вмѣстѣ съ ними... и восхищались ихъ вѣрностью Родинѣ!

Парижъ.

Генералъ- майоръ А. фонъ-Лампе.

Лампада Галлиполи

«Ты пользы, пользы въ немъ не зришь?
«Такъ что же?
«Печной горшокъ тебѣ дороже:
«Ты кашу въ немъ себѣ варишь».
Пушкинъ.

Галлиполи — это «бездолная» романтика. Изъ него ничего не вышло, потому что и не могло выйти. Это — только наивная купеческая игра въ солдатики. Это — слѣдствіе старорежимныхъ людей, не понимавшихъ, что старая Россія безвозвратно кончилась, и все галлиполійское «дѣйство» — только одна изъ предсмертныхъ ея конвульсій.

Такъ разсуждаютъ люди «трезвые», «реалисты», «умные». Никто не будетъ отрицать ни ума, ни широты исторической эрудиціи у Милюкова. А маленькимъ милюковымъ — «имъ и счету нѣтъ!» Но это одинъ изъ типовъ ума, — умъ рационалистическій, умъ ограниченный, самъ себя ограничивающій и оскопляющій. По силѣ онъ можетъ быть очень большимъ, первокласснымъ. Но эта сила не мѣняетъ его качества. Онъ качественно ограниченъ. Онъ оперируетъ только логическимъ, арифметическимъ разсудкомъ. Онъ дальше не позволяетъ себѣ двинуться ни на шагъ. Онъ — зрячій только у себя подъ носомъ. Но кромѣ этого «малаго ума» у человѣка есть «большой умъ», есть интуитивное, инстинктивное, даже позознательное знаніе.

Полная истина открывается человѣку, однако, не однимъ только умомъ, хотя бы и «большимъ», а умомъ въ соединеніи съ другими, тоже гениальными способностями, вѣрнѣе сказать — откровеніями нашей природы. Человѣкъ «даренъ» еще критеріемъ добра и критеріемъ красоты. Вотъ когда умственная, теоре-

тическая истина пройдетъ черезъ фильтръ совѣсти, черезъ фильтръ моральной оцѣнки, да еще съ прибавкой оцѣнки эстетической, т. е. черезъ чувство красоты, тогда только она становится для живого человѣка полной, живой истиной, переживаемой умомъ, чувствомъ и волей. У простыхъ, не умствующихъ людей оно всегда такъ и бываетъ.

Но наша школьная монополюдно-теоретическая культура выдѣлываетъ изъ насъ какихъ то автоматовъ однихъ логическихъ умственныхъ вычисленій. Какъ въ счетной машинѣ: стукнулъ автоматъ, повернулся рычагъ, смотри на итогъ и подчиняйся ему безпрекословно. Тутъ нѣтъ мѣста ни чувству, ни волѣ. Вамъ противенъ полученный результатъ. Отъ него, какъ говорится, «съ души преть». Совѣсть, чувство протестуютъ. Но диктатура «умниковъ» васъ насилуетъ. Требуется признанія, будто бы абсолютно обязательнаго. У васъ на шеѣ логическій арканъ. Васъ тянутъ, какъ бычка на веревочкѣ. Но... съ нами крестная сила! Слушайте свою совѣсть и не подчиняйтесь. Въ ней голосъ Божій, въ ней откровеніе полной истины, а не полустинны.

Позволимъ себѣ дерзновенное, максималистическое сопоставленіе. Что могутъ сказать «трезвые реалисты» — умники в оправданіе голгофской гибели Святѣйшаго Учителя? Ничего, кромѣ сожалѣнія о безпольной гибели невиннаго Страдальца. А что сказано о ней

сердце всего человечества? Не говорим уже о Божественном Откровении.

Так склпы сердцем оказываются скопцами и умогь, которому они, как идолу, монополю поклоняются.

Итак — долой утилитарную оцнку Галлиполи, какъ и всего благаго движенія, какъ и всей русской исторіи! Рационалистамъ-умникамъ все высокое и прекрасное въ нашей исторіи кажется бесполезнымъ и даже вреднымъ фантазерствомъ, напрасной растратой народныхъ силъ на борьбу съ призраками. Наирасно и князья-крестители связали насъ съ восточной, а не съ папскою церковью, создали тѣмъ изурядительную тысячелѣтнюю борьбу съ западными народами и лишили насъ благъ общей европейской цивилизаціи. Наирасно мы воображали себя Москвой — Третьимъ Римомъ, возмечтали о крестѣ на Св. Софїи и докихотски дили кровь за освобожденіе какихъ-то православныхъ братушекъ, еще болѣе докихотски спасали троны и алтари въ Европѣ во имя священнаго союза и т. д. Да и все величіе имперіи, построенной отъ Печенги до Владивостока, искупаешь ли всѣ поты и тошіе животы не выльзшаго изъ лаптей мужика?. Такъ съ мѣркой «печного горшка съ кашей» вся наша исторія «кутывается мракомъ грѣховъ и преступленій и зоветъ къ покаянному поспанію непломъ главы ея достославныхъ творцовъ. Какой абсурдъ, какая безмѣрная глупость! Особенно постѣ того, какъ прославленная якобы княгиня-Революція до конца раскрыла свой низкій, безобразно-демоническій ликъ.

Лишь теперь, при всей объективности и безпощадности нашей критики дореволюціонной Россіи, мы непререкаемо видимъ всю слаженность, всю гармонию, все благообразіе, всю правоту и красоту ея лика.

Надъ всѣми грѣхами, муками и даже безобразіями возвышающееся и ихъ вѣнчающее общее «благообразіе» — это не шуточное, не случайное «достиженіе». Это свидѣтельство и печать высшей, нравственной правды. Это квинтъ-эссенція лучшихъ помысловъ 40-50 поколѣній, построенныхъ 1000-лѣтнюю Россію.

Галлиполи — лишь одинъ изъ послѣднихъ отблесковъ «благообразія» «всёя Россіи», одинъ изъ послѣднихъ закатныхъ лучей великаго русскаго солнышка. Галлиполи — это была великая грусть и великій плачь русскаго сердца, какъ бы на похоронахъ родной матери. Но скорбь не мрачная, не отчаянная, а просвѣтленная надеждою на воскресеніе. Это было нравственное переживаніе, подобно плачу великой пятницы надъ плащаницей, покаянному, испупительному и облегчающему совѣсть и душу.

Если брать сравненіе изъ нашей священной

для русскаго сердца патриотической литературы, то не раздражающей душу вой «Слова о погыбели земли русской» (разгромъ русскихъ татарами на рѣкѣ Сити въ 1240 г.), а «Слово о полку Игоревѣ» съ его свѣтлымъ концомъ освобожденія князя изъ плѣна можетъ соотвѣствовать «тону» Галлиполи.

Галлиполійское поле, покрытое палатками — было подобно библейскому празднику Кушей, который символизировалъ и скорбь сорокалѣтняго странничества и вмѣстѣ благодарность Богу за избавленіе отъ рабства египетскаго. По своей военно-стратегической переклассности все мобилизаціонное напряженіе галлиполійской эпохи подобно какой-то непреднамѣренной грандіозной постановкѣ мистеріи небывалаго русскаго крестоваго похода. Подобно теургическому усилю воскресить смертельно раненую и чуть не заживо погребаемую Россію. И блаженны всѣ участники этой теургии, особенно воленные и сознательные, ибо наша — повторяю «священная» русская исторія уже обезсмертила и обезсмертитъ ихъ наряду съ жертвенными подвижниками Куликова поля, Троицкой Лавры, Бородинки, Севастополя, Ледяного похода... Эти свои творимыя легенды, эти свои священные и глубокие по содержанию мифы народное историческое сознаніе вынашиваетъ въ себѣ и родитъ, не справляясь съ смердяковскими сужденіями и издѣвательствами разношерстныхъ поклонниковъ одной только осызаемой, матерьяльной «пользы».

Отъ счастья, не одинъ человѣческой умъ (въ отрывѣ отъ всей души только — «умникомъ»), а вся цѣльная человѣческая природа, съ ея таинственной совѣстью, жаждущей добра и нравственной красоты, устанавливаетъ и формулируетъ въ сознаніи народномъ обязательныя для него цѣнности и святыни. И вотъ Галлиполи въ цѣпи другихъ немеркнущихъ символовъ русской исторіи пройдетъ безстрашно горнило искушенія черезъ критерій добра и красоты и будетъ канонизовано вмѣстѣ съ творцами и страдальцами его наѣвки.

А «польза»? Мы — не матеріалисты. Для насъ «польза» — цѣнность нравственная, духовная. И въ данномъ случаѣ — огромная. А именно: побѣда добра и красоты надъ великой ложью нашего времени. Надъ ложью пока еще преуспевающей, надъ ложью коммунистической революціи. Въ ней (въ этой послѣдней) всякое добро, всякая красота, всякая совѣсть человѣческая охулены, осквернены и затоптаны. Путемъ перевоспитанія, ошеломляющей пропаганды, терроризирующей дисциплины, путемъ такъ наз. «перековки», умѣютъ перековывать людей въ пошлыхъ хамовъ или просто надломленныхъ, обезличенныхъ автоматовъ, повторяющихъ предписанную ложь. Ужъ

если доводить до этого іерарховъ церкви (патріархи Московскій и Румынскій), то что же говорить об остальныхъ?

И вотъ грядетъ (пока сокрытый отъ насъ, но неотвратимый) часъ страшнаго суда. Не дано врагу Творца истребить человѣка и заложенный въ человѣкѣ образъ Божій. Безсилень сатана съ его мелкими слугами перековать добро въ зло... Сокрушится вышнее и внутреннее насиліе. Вещи встанутъ на свое мѣсто. Умы, сердца, души станутъ самими собою, добро-добромъ и зло-зломъ. Свершится сама собою въ атмосферѣ свободы нормальная переоценка цѣнностей. Поддѣлки и фальшивки якобы російскаго патриотизма съ омерзительнѣмъ будутъ отброшены. Кошунственные красныя тряпки, натянутыя на князьяхъ, ца-

ряхъ и полководцахъ русскихъ «спадутъ ветхой чешуей». Псевдо-герои антихристовыхъ красныхъ знаменъ опустятся подъ гремями церковныхъ анаёмъ въ низину отверженія и причислятся ко всѣмъ «воровскимъ и разбойнымъ» «святцамъ» русской исторіи: — къ татарамамъ, Разиннымъ, Пугачевымъ. Никакой подпольной псевдо-геронкой этого страшнаго суда человѣческой совѣсти уже не передѣлать. Голосъ совѣсти апелляцій не знаетъ.

И увидятъ русскіе люди вновь надъ собою священный куполь своей національной исторіи съ его символами, иконами, ликами и свѣтильниками. И среди нихъ бѣлымъ свѣтомъ сияющую тихую лампаду Галлиполи.

Римъ.

А. Карташевъ.

ГЕНЕРАЛЪ
Александръ Павловичъ
КУТЕПОВЪ.

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

Ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, въ сумрачный ноябрьскій день, на рейдъ небольшого городка Галлиполи, разрушеннаго недавнимъ землетрясеніемъ и бомбардировкой союзнаго флота, вошло нѣсколько кораблей. На кормѣ этихъ кораблей развивался русскій трехцвѣтный національный флагъ, а на передней мачтѣ — флагъ французскій. Въ знакъ того, что корабли эти находятся подъ покровительствомъ Франціи. Суда были наполнены какими то странными людьми, одѣтыми въ изодранное защитное обмундированіе, съ небритыми, грязными, исхудалыми лицами. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены винтовками, шашками или револьверами.

Немногочисленные жители города — турки и греки, съ недоумѣніемъ смотрѣли на пришельцевъ. Въ городѣ былъ расположенъ маленький французскій гарнизонъ — батальонъ чернокожихъ.

Отъ одного изъ кораблей отвалила лодка и изъ нея на берегъ высадился молодой, плотный генералъ съ черной бородой. Онъ былъ встрѣченъ комендантомъ города французскимъ подполковникомъ, уже освѣдомленнымъ о прибытіи русскихъ войскъ высшимъ союзнымъ командованіемъ въ Константинополь.

Генералу дали верховую лошадь и онъ въ сопровожденіи французскаго офицера поѣхалъ осматривать мѣсто, предназначающееся для лагеря. Дорога шла по пустыннымъ холмамъ, покрытымъ кое гдѣ колючимъ кустарникомъ. Шелъ дождь. Глинистая почва, пропитанная влагой, хлопала подъ копытами лошадей, которыя съ трудомъ вытягивали ноги.

Верстахъ въ пяти отъ города открылась долина, вдоль которой протекала рѣчка, впадающая въ Дарданельскій проливъ. Въ отдаленномъ отъ моря концѣ долины видѣлся полуразрушенный хуторъ съ нѣсколькими деревьями. На противоположномъ скатѣ ея темнѣлъ мелкій кустарникъ. Это было все, что предложили союзники для размѣщенія остатковъ Русской Арміи генерала Врангеля, только что подъ натискомъ превосходящихъ силъ красныхъ и послѣ жестокихъ, упорныхъ боевъ вынужденныхъ покинуть послѣдній клочекъ родной земли.

Генералъ Кутеповъ вернулся въ городъ и приказалъ производить высадку — такъ начался тотъ періодъ существованія Бѣлой Арміи, что связанъ съ именемъ «Галлиполи».

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вмѣсто голаго поля правильными рядами раскинулся палаточный городокъ, а измученные люди въ изорванномъ обмундированіи превратились въ подтянутыхъ офицеровъ и солдатъ съ воинской дисциплиной и выправкой.

Не только иностранцы, но и русская лѣвая

«общественность» не понимали, что давало этимъ, казалось, все потерявшимъ людямъ, силу къ упорному желанію сохранять свои воинскія части и добровольно подчиняться суровой дисциплинѣ и тяжелымъ условіямъ существованія.

А сила эта была въ инстинктивномъ пониманіи того, что красный туманъ, временно покрывшій Россію, долженъ разбѣяться, что прежде всего важно сохранить знамена, унесенныя съ Родины, до лучшихъ временъ, что долженъ же быть миръ понять, гдѣ правда, а гдѣ обманъ и ложь.

Прошло 30 долгихъ лѣтъ... Тридцать лѣтъ изгнанія и тяжелаго труда. Многіе изъ тѣхъ, кто высадился тогда въ Галлиполи, нашли вѣчное упокоеніе и спятъ послѣднимъ сномъ на чужой землѣ, не дождавшись исполненія своей завѣтной мечты. Другіе успѣли состариться: ихъ силы подерваны, но они все еще безропотно несутъ свой крестъ. Только нѣкоторымъ удалось завоевать себѣ на чужбинѣ обезпеченную жизнь. Народилось и новое поколѣніе, воспринявшее духъ и вѣру своихъ отцовъ. И какова бы не была судьба галлиполийцевъ, ясно, теперь ясно безъ всякаго сомнѣнія, что путь ихъ былъ единственно правильнымъ.

Для міровой исторіи тридцать лѣтъ маленькой отрѣзокъ времени. Сколько за это время было совершено ошибокъ людьми. въ рукахъ которыхъ были судьбы міра. Не нашлось среди нихъ тѣхъ гениальныхъ провидцевъ, которымъ дано заглянуть въ будущее. И миръ за это уже заплатилъ потоками крови и тяжкими страданіями. До сихъ поръ онъ бьется въ мучительныхъ судорогахъ, ища выхода изъ создававшегося положенія. Но уже начинаютъ раскрываться глаза, спадаетъ пелена, мѣшавшая видеть, и съ ужасомъ и негодованіемъ люди познаютъ всю ложь, низость, клевету, рабство, которая несетъ съ собой коммунизмъ.

Первенство на этомъ пути прозрѣнія принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые тридцать лѣтъ тому назадъ, въ дни брешенные, высаживались на пустынномъ Галлиполийскомъ берегу: они, вопреки всему окружающему, твердо знали свою правду. Послѣ общей борьбы бѣлыхъ воиновъ на всѣхъ фронтахъ — въ далекой Сибири, въ Архангельскѣ и Мурманскѣ, подъ Исковомъ и Петроградомъ — знамя чести и правды осѣнило Бѣлый Отрядъ, высадившійся въ Галлиполи: галлиполийцы оказались его хранителями. Прозрѣвающей миръ объ нихъ не помнить, да они отъ него не ждутъ ни награды, ни признанія. Лучшей ихъ наградой является вѣра въ правоту своего дѣла и этой награды никто отъ нихъ не отниметъ.

Парижъ. Подполковникъ С. Мацылевъ.

„ПАМЯТНИКЪ“

Въ 1922 г., въ январь мѣсяцѣ, оркестръ и хоръ Корниловскаго полка были вызваны въ Велико-Тырново для участія въ большомъ крещенскомъ парадѣ. Я управлялъ хоромъ.

Въ день праздника Крешенія Господня, послѣ литургіи, состоялся крестный ходъ на Янтру (горная рѣка, бурливая и никогда не замерзающая). Шествіе возглавлялъ Митрополитъ Филиппъ. День выдался очень холодный, а потому мы довольно сильно промерзли и устали. Все же нашли силы вечеромъ въ этотъ день пропѣть въ болгарскомъ соборѣ всенощную и послѣ этого принять еще участіе въ концертномъ отдѣленіи на гарнизонномъ балу, состоявшемся въ помѣщеніи казармъ. Изъ-за концерта мы — пѣвчіе — пропустили ужинъ и, вернувшись, ничего не могли достать на кухнѣ: спать пошли голодными.

На другой день утромъ мы должны были пѣть литургію въ томъ же соборѣ ровно въ 9 ч. утра.

Обычно, утренній кофе или чай (не помню) разлавался въ 8 час. На этотъ же разъ произошло опозданіе по случаю бала наканунѣ. Въ это утро всѣ проспали, и чай во-время не былъ готовъ. Я ждалъ его тихо до половины девятаго и ушелъ въ церковь, приказавъ хору не опаздывать. Но пѣвчіе, голодные еще съ вечера, рѣшили дожидаться чая, и получили его безъ четверти девять. Проглотивъ наскоро полученное, они бѣгомъ помчались въ церковь.

Я стоялъ въ алтарѣ и видѣлъ, какъ за одну минуту до 9-ти часовъ въ церковь вошелъ генералъ Кутеповъ. Съ его приходомъ ровно въ 9 час. должна была начаться служба. Я видѣлъ своихъ пѣвчихъ поднимающимися по лѣстницѣ на хоры и просилъ священнослужителей задержать начало службы хоть на одну минуту. Оказывается, пѣвцы были бы на мѣстѣ во-время, если бы не постѣснялись на паперти храма обогатъ генерала. А, между тѣмъ, генералъ вошелъ въ соборъ, обернулся на хоры — пѣвчихъ еще не было на мѣстѣ. «Переписать!» — приказалъ онъ, и литургія началась ровно въ 9 и одна минута.

Послѣ службы генералъ спросилъ о причинѣ опозданія. Я изложилъ ему все, какъ случилось. Генералъ посочувствовалъ: «за мной, кому слѣдуетъ, не пропадетъ». — сказалъ, и для пользы службы посадилъ меня и еще четырехъ солистъ въ на пять сутокъ. Оркестръ и остальные пѣвчіе вечернимъ поѣздомъ въ этотъ же день благополучно отбыли во-свояси, а мы — пять человекъ — остались въ Велико-Тырново.

Сидѣли мы не на гауптвахтѣ, — таковая не была еще налажена, — а оставались при комендантской писарской командѣ въ помѣщеніи штаба. И вотъ на другой день, случайно, на столѣкъ у софѣда по кровати я замѣтилъ небольшой листокъ бумаги, отпечатанный на машинкѣ. Читаю:

ПАМЯТНИКЪ.

На склонѣ широкомъ Галлиполи,
Гдѣ ишь убѣгаетъ холмовъ,
Чужою землею засыпали
Послѣднихъ російскихъ бойшовъ.

Рука же родная имъ сдѣлала.
Заснувшимъ невѣдомымъ сномъ.
Изъ камня и мрамора блага
Курганъ, всѣнный крестомъ,

Не разъ передъ нимъ собиралися
И Богу моления несли
Всѣ тѣ, кто на стражѣ остались
Знамень и Россійской земли.

Овѣянъ церковнымъ куреніемъ
Въ вѣнкахъ отъ родимыхъ частей,
Воздвигся онъ грознымъ видѣніемъ
Для недруговъ русскихъ людей.

И сколько бы терній ни сыпали,
Мы будемъ тверды, какъ гранитъ...
Мы помнимъ, что тамъ, у Галлиполи,
Нашъ Памятникъ гордый стоитъ.

Подписано: Даватцъ.

Содержаніе этого стихотворенія меня очень взволновало и я просилъ хозяина этого листочка переписать его. А переписавъ, я уединился, и къ вечеру у меня была готова музыка на эти прочувственные слова.

Просидѣть подъ арестомъ намъ пришлось всегдѣ лишь два дня, вмѣсто пяти. Новая необычайная причина способствовала сокращенію срока.

Вернувшись въ полкъ, я немедленно приступилъ къ разучиванію новаго произведенія. Буквально съ первой слѣвки весь составъ полка проявилъ необычайный интересъ къ новой пѣснѣ и у насъ всегда просили: «спойте Памятникъ».

Въ первый весенній праздникъ (не помню точно мѣсяца), кажется, на Пасхѣ, къ намъ въ полкъ пріѣзжалъ генералъ Кутеповъ. Въ лагерномъ театрѣ было устроено большое торжество. Я съ хоромъ тоже выступалъ съ «но-

вой пѣсней». Полковыми художниками была исполнена декорация: «Галлиполийскій Памятник».

На сценѣ у «Памятника» стоятъ «Часовой» въ полной служебной формѣ и подъ аккомпаниментъ хора исполняя свою партію. Въ роли часового былъ тогда шт.-кап. Бажановъ (онъ тоже со мной ситѣль въ Велико-Тырновь, нынѣ поетъ въ донскомъ хорѣ у Жарова). Прекрасно овладѣвшій своей ролью, онъ своимъ мягкимъ, сочнымъ и бархатно-ласковымъ голосомъ чудесно исполнилъ свое соло.

Впечатлѣніе получилось потрясающее.

Когда опустился занавѣсъ и снова взвился, на сцену вскочилъ взволнованный, прѣхавшій съ генераломъ, офицеръ и со слезами на глазахъ сталъ благодарить меня, жать руки и обнимать — это былъ Даватцъ...

Генераль Кутеповъ, узнавъ со словъ командира полка исторію возникновенія музыки для «Памятника», былъ также расстроганъ до слезъ, обнялъ меня и пообѣщаль... «почаще водворять меня въ столь полезное уединеніе»...

Капитанъ С. Игнатьевъ.

Стокгольмъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

Уже въ самые первые дни послѣ выгрузки, едва разставивъ палатки и размѣстившись въ нихъ, многіе принялись за изученіе иностранныхъ языковъ. Составлялись группы, находились для нихъ руководители. Офицеры, вольноопредѣляющіеся изъ студентовъ и лица съ законченнымъ среднимъ образованіемъ составили кружки и одинъ изъ кружковъ обратился ко мнѣ съ просьбой помочь возстановить и пополнить знанія въ области математики и физики. Начались регулярныя занятія. Время стояло дождливое — конецъ ноября — собираться на воздухъ съ клочками бумаги и кусочками карандашей было невозможно, въ палаткахъ при скученности размѣщенія появленіе группъ изъ постороннихъ барачковъ не вызывало особаго радужія. Командиръ Дроздовской арт. бригады, нынѣ покойный ген. М. Н. Ползиковъ предложилъ для занятія ту часть занимаемой имъ небольшой палатки, которая была отведена подъ канцелярію. Эти занятія продолжались вплоть до открытія въ лагерѣ высшихъ курсовъ. Наша группа оказалась въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ въ иныхъ частяхъ. Одинъ изъ моихъ слушателей кап. Осиповъ получилъ изъ Бѣлграда отъ своего дяди солидные курсы по высшей математикѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

27-го ноября ст. ст. приказомъ былъ введенъ новый стиль въ Арміи.

27-го декабря у насъ состоялась первая широкая лекція по высшей математикѣ, которую читалъ младшій фейерверкеръ изъ вольноопредѣляющихся (лѣтомъ 1921-го онъ былъ произведенъ въ подпоручики) проф. В. Х. Даватцъ; онъ состоялъ тогда во 2-ой батарее 6-го арт. дивизиона. Его первая лекція была посвящена развитію понятія ϕ числъ и началу теории ансамблей, вторая теоремамъ Вейерштрасса, Леженъ-Дирихля. Точкамъ сгущенія и теоріи предѣловъ, послѣ чего онъ перешелъ къ техническому примѣненію математики. На эти

лекціи собиралось столько офицеровъ и вольноопредѣляющихся въ нашей палаткѣ, что невозможно было пройти. Владиміръ Христіановичъ читалъ съ увлеченіемъ, а послѣ первой лекціи сознался, что онъ и самъ получилъ отъ нея громадное удовольствіе.

Въ связи съ прїѣздомъ въ Галлиполи генерала Врангеля, котораго всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, состоялся въ лагерѣ 19-го дек. парадъ. Привожу здѣсь часть изъ его «обращенія къ выстроившимся войскамъ»:

«...Я приму всѣ мѣры и потребую, чтобы наше положеніе было улучшено. Мы имѣемъ право не просить, а требовать потому, что то дѣло, которое мы защищали, было общимъ дѣломъ и имѣло мировое значеніе. Мы истекали кровью въ борьбѣ съ десятиро и больше превосходящимъ насъ по численности врагомъ при гробовомъ молчаніи всего міра. Мы выполнили нашъ долгъ до конца, и не мы виноваты въ исходѣ этой борьбы. Виновенъ весь міръ, который смотрѣлъ на насъ и не помогъ намъ...»

21-го дек. прїѣзжалъ въ лагерь изъ Константинополя князь Павелъ Димитріевичъ Долгоруковъ. Онъ убѣждалъ болѣе крѣпкихъ духомъ поддерживать болѣе слабыхъ, приводилъ примѣры изъ исторіи борьбы Гарибальди, который своимъ единомышленникамъ въ то время могъ предложить только новыя раны, холодъ, голодъ и мученія. Обрисовавъ затѣмъ общую международно-политическую обстановку, князь подчеркнул намъ, что «всѣмъ тѣмъ русскимъ партіямъ, которыя находятся въ данный моментъ за-границей, будетъ грешъ ϕ на, если не сохранится наша армія».

Прїѣздъ этотъ содѣйствовалъ укрѣпленію настроенія. И кн. Долгоруковъ былъ правъ, когда, вернувшись въ Константинополь, въ свѣтъ доклатъ указывалъ, что психическое состояніе арміи начало пріобрѣтать переломъ.

Этот переломъ привелъ ее къ славнымъ стра- ницамъ Галлиполи.

Но уже 9-го янв. 1921-го г. поползли по лагерю слухи о томъ, что предстоятъ большія перемены, что ставили въ связь съ измѣненіемъ отношенія къ намъ французовъ. Работы по проведению узкоколейки между лагеремъ и городомъ и оборудованіе и украшеніе лагеря приостановились. Такъ повторилась много разъ...

Шель дождь и переставать, чтобы пойти снова. Глинистая почва в «долинѣ розъ и смерти» превратилась въ липкую, почти непролазную грязь.

Въ городъ начали возрѣдаться наши военныя училища; ихъ было потомъ 6: среди нихъ артиллерійское, кавалерійское и инженерное. Программы были составлены шире, чѣмъ во время войны. Юнкера несли гарнизонную службу въ городъ, что отразилось на четкости общей дисциплины.

Въ день Святого Крещенія 19-го янв н. ст. былъ назначенъ парадъ и водосвятіе. Къ парадъ велась усиленная подготовка и приводилось въ порядокъ обмундированіе. Вслѣдствіе преливныхъ дождей парадъ этотъ могъ состояться лишь 25-го января. Водосвятіе совершалъ греческій епископъ вмѣстѣ со священнослужителями корпуса. На парадъ были приглашены французскія военныя и мѣстные власти, а также представители населенія. Изъ Константинополя прибыли корреспонденты газетъ. «Въ «Прессъ-дю-Суаръ» парадъ этотъ описывался въ восторженныхъ тонахъ. Въ дневникъ мой занесена оттуда фраза, относящаяся къ нашей дивизіи: «вотъ идутъ знаменитые Дроздовцы и все поле покрывается малиновыми фуражками».

Впечатлѣніе, которое хотѣли создать военскія части, было дѣйствительно достигнуто.

2-го февраля начались занятія, которыя согласно приказу должны были производиться регулярно и независимо отъ погоды во всѣхъ частяхъ корпуса. Кромѣ тактики, теоріи и уставовъ ежедневно производились маршировки.

15-го февраля 21-го г. въ лагерѣ состоялся памятный всѣмъ Галлиполійскій парадъ. Всю ночь и утро шелъ дождь, въ моментъ же прибытія къ войскамъ генерала Врангеля, солнце освѣтило всю лошину, что увеличило и безъ того торжественность его встрѣчи. Кадровые офицеры, прошедшіе много лѣтъ на фронтѣ, видѣвшіе царскіе смотры и большіе парады мирнаго времени, говорили, что даже у нихъ отъ переполненія чувствъ сжималось горло.

20-го февр. неожиданно выпалъ снѣгъ, достигнувъ на слѣдующій день слоя въ 8 сант. Температура упала до 7 градусовъ; явленіе, котораго не помнятъ даже старожилы. Лагерь пощипывалъ напоминаньями красивыя дубочкия

картинки. Внутри-же палатокъ было весьма неуютно: всѣ сидѣли въ перчаткахъ, шинеляхъ и фуражкахъ, многіе бѣгали по проходу взадъ и впередъ въ надеждѣ согрѣться, никто не раздѣвался даже на ночь. Занятія прекратились, разговоры и слухи замолкли, въ нѣкоторыхъ компаніяхъ съ мрачнымъ видомъ пили.

23-го февраля прошелъ дождь, зимній лантшафтъ исчезъ; снова грязь, участились заболѣванія. На счастье сильный вѣтеръ подсушилъ почву, началось игра и состязанія между различными палатками въ городки.

24-го февраля стали расчищать площадки въ лагерѣ для футбольныхъ состязаній на перекрывающій кубокъ 1-го Армейскаго корпуса. Матчи эти привлекали много посѣтителей, на главныхъ изъ нихъ играли оркестры, присутствовало начальство. Инструменты для оркестра дѣлались изъ подручнаго матеріала, нескончаемая же сыгранка оркестровъ «отравляла» слухъ тѣхъ, кто излѣлъ несчастье помѣщаться вблизи палатки капельмейстера. Наибольше сильными командами располагали Корниловцы и Дроздовцы, они и вышли въ финалъ матча, который былъ разыгранъ 30-го марта при огромнѣмъ числѣ посѣтителей и окончился въ пользу Корниловцевъ со счетомъ 2:0.

7-го марта въ городъ была открыта Офицерская Артиллерійская Школа, курсъ которой должны были пройти сначала командиры и старшіе офицеры батарей, а затѣмъ и остальные.

23-го марта была объявлена въ достаточной мѣрѣ обширная программа для экзаменовъ, которымъ должны были подвергнуться офицеры, служившіе въ артиллерійскихъ частяхъ, но окончившіе пѣхотныя военныя училища, на предметъ формального перевода ихъ въ артиллерию. Руководства и пособия для подготовки къ экзаменамъ отсутствовали, но тѣмъ не менѣе 7-го мая они прошли относительно благополучно.

26-го марта начальникъ французскаго гарнизона Галлиполи полк. Томассенъ довелъ до свѣдѣнія штаба корпуса, что съ 1-го апрѣля французы предполагаютъ прекратить довольствіе корпуса, въ связи съ чѣмъ предлагалось: или вернуться на родину (пароходъ поданъ и желающіе могутъ сразу же грузиться), или отправиться въ Бразилію на кофейныя плантаціи (регистрація начата), или, наконецъ, разойтись съ цѣлью подыскать себѣ средства для пропитанія. Для окончательной ликвидаціи Галлиполи назначалось 15 дней срока. Это распоряженіе стало извѣстно въ лагерѣ лишь 27-го марта. На этотъ день было назначено празднованіе: Константиновскіе артиллеристы собирались изъ всѣхъ частей лагеря и города въ день училищнаго праздника. На берегу ручья были спешіенно для этой цѣли поставлены палатки, участники еще наканунѣ снесли свои пайки.

Распоряжение полк. Томассена мало на кого произвело впечатлѣніе. Начиная съ 13-ти часовъ на этомъ праздникѣ попеременно грѣмѣло два оркестра музыки. «Пирвалло» до 300 человекъ. Еще большее чувство увѣренности вносили въ этотъ день Дроздовцы, пройдя стройными рядами съ винтовками во главѣ съ генераломъ Туркуломъ мимо штаба дивизіи съ цѣлью показать, что они при всѣхъ обстоятельствахъ на все готовы. Настроіе въ лагерьъ повысилось. Французскія военныя казармы обнесены проволокой, греки въ городѣ «на всякій случай» спѣшно закрывали магазины.

Прекратившіяся было работы по оборудованію лагеря и по проведенію узкоколейки черезъ два дня возобновились, и назначенный на 30-ое марта финальный футбольный матчъ не былъ отмененъ.

3-го апрѣля начался шахматный турниръ между игроками корпуса. Какъ доски, такъ и фигуры были собственноручнаго производства.

10-го апрѣля до Галлиполи дошелъ приказъ генерала Врангеля, на основаніи котораго время галлиполійскаго сидѣнія засчитывалось намъ на военной службѣ, какъ пребываніе на фронтѣ. Нѣкоторые неправильно истолковали этотъ приказъ и въ смыслѣ дальнѣйшаго производства въ чинахъ. Въ связи съ этимъ въ городѣ и лагеряхъ стала ходить по рукамъ, хорошо исполненная карриатура «Смотръ въ Галлиполи въ 1951-омъ году». На ней были изображены генералъ Врангель съ большой съдой бородой, который, опираясь на палочку, обходилъ фронтъ въ сопровожденіи престарѣлыхъ генерала Кутепова и генерала Витковского. Во фронтѣ стояли одни лишь генералы, а въ отдаленіи единственный, не произведенный въ этотъ чинъ, полковникъ варилъ въ походной кухнѣ кашу на всѣхъ.

По мѣрѣ того, какъ становилось теплѣе, жизнь въ лагерьъ оживала все болѣе. Созданы были походныя церкви, иконостасы, паникадила изъ подручнаго матеріала и жесты консервныхъ банокъ, иконы стариннаго письма. Образовались хоры — духовные и свѣтскіе. Кромѣ военныхъ училищъ въ городѣ открылись военно-административныя курсы, гимнастическо-фехтовальная школа. Начались занятія въ русской галлиполійской гимназій, дѣтей стали принимать во вновь открытыя дѣтскія сады. Образовались литературныя, художественныя кружки, работавшіе по отдѣльнымъ студіямъ. У развалинъ стараго Акрополя примостился корпусной театръ подъ вѣковыми пиніями. Артисты были одновременно и декораторами, и рабочими на сценѣ, и администраторами. Открылись различныя мастерскія, гарнизонныя лавочки, полковныя собранія съ буетазами и т. д.

17-го мая состоялось засѣданіе въ связи съ открытіемъ въ Галлиполи съ помощью Всерос-

сійскаго Земскаго Союза высшихъ курсовъ, какъ въ городѣ, такъ и въ лагерѣ. Въ качествѣ преподавателей были привлечены офицеры съ высшимъ образованіемъ и доценты университетовъ. Въ лагерномъ отдѣленіи высшихъ курсовъ читались лекціи: по высшей математикѣ, геологій, естествознанію, военной исторіи, отдѣламъ русской исторіи въ объемѣ университетскихъ курсовъ, государственному праву, исторіи и вѣдѣній русской литературы и спорадически на рядъ иныхъ темъ; велись, кромѣ того, и практическія занятія по высшей математикѣ (рѣшеніе задачъ). Программа высшихъ курсовъ въ городѣ была нѣсколько шире, чѣмъ въ лагерѣ. Въ качествѣ слушателей собирались офицеры и вольнопріобрѣтшіея самыхъ разнообразныхъ частей съ далекихъ палатокъ разбросанные на нѣсколько километровъ лагеря; многіе занимались регулярно и систематически.

16-го іюля состоялось открытіе и освященіе Галлиполійскаго памятника въ городѣ.

Швейцарія.

Капитанъ Г. Орловъ.

Лицъ, желающихъ приобрести памятку «Галлиполи 1920-1950 г.г.», просить обращаться по адресу:
M-r Bobtchenok. 29 rue du Colisée, Paris.

Галлиполійскій крестъ не символъ траура, а знакъ призыва къ неустанной борьбѣ за освобожденіе и счастье Родины.

Когда кто нибудь говоритъ про другого — «онъ тоже галлиполіецъ», то онъ тѣмъ самымъ признаетъ его за ближайшаго друга, за вѣрнаго товарища, за стойкаго единомышленника.

Смысль Галлиполи

Мой покойный другъ, незабвенный В. Х. Даватичъ, вторую часть своей книги «На Москву» назвалъ — «Итургія вѣрныхъ».

Въ ней, въ формѣ дневника, онъ заносилъ впечатлѣнія трагическаго отхода Бѣлой Арміи отъ Орла до Новороссійска. Послѣ блестящихъ побѣдъ, приходилось испытать всю горечь пораженій... Отсѣивались всѣ дрогнувшіе и оставались только вѣрные до конца...

Неисповѣдны пути Господни!.. Послѣ Новороссійска была Крымскій періодъ борьбы. Затѣмъ Бѣлая Армія ушла въ изгнаніе. Первымъ ея этапомъ было Галлиполи, которое, по существу, явилось первой на чужбинѣ «Итургіей вѣрныхъ» своей идеѣ. И здѣсь шло отсѣиваніе дрогнувшихъ и сомнѣвающихся. Оставались только тѣ, кто меньше всего интересовался партійной программой, кто не предрѣшалъ

— ни республики, ни монархии, — кто ощущал смысл нашего блага движения в борьбе не за форму будущего правления, а — за душу народа...

Всё годы изгнания были длинной цепью испытаний, — кь отсыванию дрогнувших присоединилось и предательство и много другое... Но мы все таки живы!

Много наших бьлых вождей, идеологов и соратников ушло в иной мир. Благоговей-

но обнажаю голову, вспоминая их имена.

Порядки наши ярые. Но и через 30 лть смысл Галлиполи остается нетлнным: непримиримость и вёрность.

Всём галлиполицам, куда бы ни занесла их судьба, кь нашему 30-лтнему юбилею шлю галлиполискій братскій привётъ.

Нью-Йоркъ.

Капитанъ Н. Рыбинскій.

Галлиполискій парадъ

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГАЛЛИПОЛИЦА)

Сейчасъ, въ тридцатую годовщину высадки въ Галлиполи остатковъ армии юга Россіи, наши мысленные взоры обращаются кь той части этого пустынного и дикаго полуострова, гдѣ на «Годомъ полѣ» чины легендарнаго теперь 1-го корпуса, подъ «жельзной» рукой Кутепь-паши, доблестнаго и волевого командира корпуса, генерала-солдата А. П. Кутепова, прошли суровую школу жизни, вернули вѣру въ свое святое дѣло и затѣмъ «выплыли» на просторы міра, сохранивъ ту спайку, которой славятся галлиполицы. Слово «галлиполиецъ» стало синонимомъ вёрности русской національной идеѣ, вёрности той идеѣ, за которую сложили свои головы на просторахъ юга Россіи десятки тысячъ вёрныхъ сыновъ Родины въ неравной борьбѣ съ темной силой рождавшагося мірового коммунизма.

**

Съ лагеремъ Галлиполи тѣсно связанъ образъ хранителя армии, незабвеннаго Главнокомандующаго генерала П. Н. Врангеля.

Отрванный отъ армии, ген. Врангель былъ душою всегда съ ней, и чины корпуса ежеминутно ощущали его дѣятельность въ далекомъ отъ нихъ Константинополь. Зато какими праздниками бывали для чиновъ корпуса рѣдкіе приѣзды Главнокомандующаго! Восторгу чиновъ корпуса при видѣ своего обожаемаго Главнокомандующаго не было предѣла...

Изъ туманнаго прошлаго вспоминается парадъ, особенно вѣзавиившій въ память.

Уже наканунѣ части корпуса узнали о прибытіи въ Галлиполи генерала Врангеля. Началась спѣшная подготовка къ параду. Истрепанное еще въ бояхъ въ Россіи обмундированіе чистилось особенно тщательно, какъ къ большому празднику. Всѣ немного ждали, что приѣзтъ Главнокомандующаго связанъ съ какими то перемѣнами въ обычной лагерной жизни.

Наконецъ, настало утро сѣрое, туманное, такъ не гармонирующее съ праздничнымъ настроеніемъ. Нѣсколько разъ начиналъ накрапывать дождь, и всѣ поспатривали съ тревогой на небо, опасаясь, что парадъ будетъ отмененъ.

Но все шло положеннымъ порядкомъ. Началось построеніе частей по своимъ лагерямъ. Вотъ, наконецъ, настала часъ общаго построения на большомъ полѣ, между лагеремъ и рѣчкой, и части потянулись съ пѣснями кь назначеннымъ имъ мѣстамъ. Командиры частей долго выравнивали части, чтобы добиться идеальнаго построения, и давали послѣднія указанія командирамъ подраздѣлений.

Все, казалось, было готово къ встрѣчѣ Главнокомандующаго. Только погода по-прежнему не прояснялась: низкія облака нависли надъ полемъ въ долину между горами.

Прибытъ командиръ корпуса генералъ Кутеповъ, обошелъ части и, повидимому, остался доволенъ видомъ и бодрымъ настроеніемъ корпуса. Наступило томительное ожиданіе...

Вдругъ тихій шопотъ пронесся по рядамъ: «Вѣдетъ Главнокомандующій, махалыные подають знакъ»...

На дорогѣ, идущей со стороны пролива, показалась вереница автомобилей. Приблизившись кь правому флангу выстроившихся частей, машины остановились, и изъ передней вышелъ генералъ Врангель. За нимъ поспѣствовали гости: французскіе и греческіе офицеры, турецкій мулла и иностранные журналисты. Но чины корпуса видѣли только своего Главнокомандующаго, на голову возвышавшагося надъ остальными...

Солнце, котораго не видѣли уже въ теченіе нѣсколькихъ дней, вдругъ прорѣзало тучи и освѣтило своими лучами фигуру генерала Врангеля и все поле, покрытое правильными квадратами выстроившихся частей корпуса... Наступила мертвая тишина. Раздалась команда «смирно!»,

и все застыло... Командир корпуса положил съ рапортомъ къ Главнокомандующему... Оркестръ грянулъ встрѣчный маршъ...

Главнокомандующій въ сопровожденіи свиты началъ обходить фронтъ.

Стройная, высокая фигура съ тонкой таліей (къ которой такъ шла череска — любимый нарядъ генерала Врангеля), гордая посадка головы, широкій, легкій шагъ. — все обличало въ немъ цѣльность натуры человѣка, призваннаго и привыкшаго повелѣвать. Онъ былъ олицетвореніемъ вождя въ самомъ идеальномъ его созданіи...

Громкій голосомъ Главнокомандующій здоровался съ частями, и не успѣвалъ замолкнуть громовой отвѣтъ на привѣтствіе, какъ мощное «ура» оглашало воздухъ. И это «ура» все болѣе ширилось и нарастало по мѣрѣ движенія Главнокомандующаго. Казалось, каждый этимъ крикомъ, крикомъ до хрипоты, хотѣлъ выразить то чувство обожанія, которымъ было наполнено сердце. Прибывшіе съ Главнокомандующимъ гости съ удивленіемъ смотрѣли на невиданную имъ картину...

Приподнятое настроеніе чиновъ корпуса невольно передавалось Главнокомандующему, и, закончивъ обходъ частей, онъ бодрымъ шагомъ вышелъ на середину поля и обратился къ чиновъ корпуса со словомъ привѣтствія...

Вновь наступила мертвая тишина. Каждый съ напряженнымъ вниманіемъ ловилъ слова

генерала. Чейкій голосъ Главнокомандующаго ясно доносился до послѣднихъ рядовъ построенныхъ на громадномъ полѣ частей.

Генераль Врангель ничего не обмолчалъ, но каждый чувствовалъ, что все возможное и даже невозможное будетъ сдѣлано, и невольно выше поднимались головы и спокойствіе, и бодрость навѣявали сердца.

Вотъ онъ закончилъ свое слово, и вновь громовое «ура» огласило долину. Окруженный начальствующими лицами и гостями, онъ вышелъ на край дороги и приготовился къ церемониальному маршу...

Прохоженіе церемониальнымъ маршемъ прошло для чиновъ корпуса, какъ въ туманѣ. Послѣдній разъ мелькнулъ образъ любимаго вождя, и части начали расходиться по своимъ лагерямъ.

**

Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Чины корпуса — галлиполійцы разсѣялись по всѣмъ странамъ свѣта, многіе уже ушли туда, откуда нѣтъ возврата. Отъ руки большевиковъ временно погибъ Главнокомандующій, имъ же похищенъ генераль Кутеновъ. Юноши превратились въ старцевъ съ посѣдвшими головами. Но незабываемая картина пріема корпусомъ своего Главнокомандующаго, какъ живая, стоитъ передъ глазами...

Капитанъ А. Осиповъ

Калифорнія.

Съ честью павшіе въ Испаніи

Но не вздохами печали
Память хрѣбрыхъ мы почтимъ,
А въ нетлѣнныхъ скрижали
Имена ихъ начертимъ.

Эта пѣсня Константиновскаго артиллерійскаго училища какъ нельзя больше отвѣчаетъ стать въ память нашихъ павшихъ друзей, соратниковъ и галлиполійцевъ: генераль-майора Анатоля Владиміровича Фока и Марковского арт. дивизиона штабсъ-капитана Якова Тимофѣевича Полухина. Оба они — воспитанники Константиновскаго арт. училища съ раннейшей по производству въ 17 лѣтъ. А. В. Фокъ кончилъ его въ 1900 г., а Я. Т. Полухинъ въ 1917 году, но безъ какой либо разницы по молодости воинскаго духа и по идейности.

Галлиполійцы прекрасно помнятъ генерала Фока, артиллеристы по его должности командира бригады, всѣ другіе, какъ несравненнаго руководителя Гимнастической школы въ Галлиполи, изумившаго всѣхъ ея достижениями за самый короткий срокъ. Всѣ помнятъ «вѣчную юность» генерала, его работоспособность, его организаторскія способности. Онъ былъ дол-

гое время «старшимъ галлиполійцемъ» во Франціи, всегда бодрымъ, энергичнымъ, хлопотчущимъ и отзывчивымъ на любое живое дѣло: благодаря его настояніямъ были открыты и долгое время функционировали офицерскіе курсы въ Парижѣ и были выпущены цѣннѣйшія въ то время руководства, знавшія русское офицерство съ Красной арміей, совѣтской экономикой, политической системой и т. д. Немногимъ извѣстно, что ген. Фокъ былъ далеко не чуждъ и жертвенной работѣ, ведшейся въ свое время въ Россіи незабвеннымъ генераломъ А. П. Кутеновымъ. Если добавить къ этому нѣкоторые штрихи изъ прошлаго генерала Фока — блестящее командованіе батареями въ Кавказской Гренадерской арт. бригадѣ, орденъ Св. Георгія, вступленіе рядовымъ въ Дроздовскую конно-горную батарею, потомъ доблестное командованіе Дроздовской арт. бригадой, командованіе артиллеріей Перекопа, — то передъ нами вырисуетъ подлинный типъ вѣрна-

го своему долгу скромного, боевого русского офицера, не искавшего почестей.

Таким же был его молодой соратник Я. Т. Полухинъ, вступившій въ концѣ 1916 г. добровольцемъ въ 73 арт. бригаду, кончившій въ 1917 г. Константиновское арт. уч. и съ 1918 года состоявшій въ рядахъ Марковского арт. дивизиона.

Изъ числа перваго десятка русскихъ офицеровъ (всѣ галлиполійцы) генералъ Фокъ и кап. Полухинъ отправились въ Испанію для борьбы противъ красныхъ, либо въ тотъ моментъ для каждаго честнаго человѣка было ясно, что пораженіе генерала Франко знаменовало бы собой побѣду большевизма въ Западной Европѣ. Перейдя «зеленую границу», они были задержаны испанскими патрулями и приведены въ районную комендатуру, гдѣ уже знали о томъ, что нѣкоторое число «руссо бланко» собирается вступить въ испанскую національную армію. Если вопросъ капитана Полухина рѣшался довольно просто, то противъ пріема генерала Фока испанскій комендантъ заявилъ категорическій протестъ, указывая на его чинъ и возрастъ (57 лѣтъ). Генералъ Фокъ отвѣтилъ: «на счетъ чина не волнуйтесь, я въ 1918 году въ чинѣ полковника уже былъ рядовымъ, а насчетъ возраста — судите сами», и тутъ же передъ изумленными и восхищенными испанцами продолжалъ нѣсколько акробатическихъ номеровъ и показывать гимнастику съ винтовкой. Послѣ этого комендантъ подписать его опредѣленіе въ строй. Оба были зачислены въ терсіо (батальонъ) рекете Зумалокареги и вскорѣ за отличіе въ бояхъ на подступахъ къ Бильбао произведены оба въ подпоручики и вскорѣ переведены на Арагонскій фронтъ въ терсіо Дона Марія де Моліна.

Въ концѣ августа 1937 г. 2-я рота терсіо была брошена въ районъ Кинто противъ красной интернациональной бригады, прорвавшейся въ направленіи Сарагоссы. Ей былъ данъ приказъ задержать красныхъ до подхода подкрѣпленій. Капитанъ Полухинъ командовалъ 3-мъ взводомъ; генералъ Фокъ, причисленный къ штабу терсіо, самъ вызвался пойти съ ротой добровольцевъ. Въ течение двухъ дней рота мужественно сопротивлялась окружившимъ ее краснымъ; болѣе половины ея погибло, небольшая часть была захвачена ранеными въ плѣнъ. Генералъ Фокъ, капитанъ Полухинъ и испанскій «бригада» (фельдфебель), имя котораго на насъ не дошло, перенесли въ небольшую каменную часовню деревушки нѣсколькихъ раненыхъ и, укрывшись въ часовнѣ, открыли огонь по краснымъ.

Отрѣзанные отъ всего міра, они держались въ часовнѣ 12 дней, пока часовня и всѣ находившіяся въ ней не были сметены подвезенной артиллеріей красныхъ. Это, — поистинѣ, былъ

маленькій Альказаръ! Маленькій по количеству людей, но не менѣе величайшій по подвигу.

* * *

Думаю, что я былъ однимъ изъ послѣднихъ, пожаловившихъ передъ испанской границей руку генералу Фоку и капитану Полухину. Ихъ настроеніе, ихъ порывъ напомнили мнѣ тогда времена перваго добровольчества. Съ ними вмѣстѣ тогда уходили благополучно здравствующіе сейчасъ въ Испанію: генералъ Н. В. Шинкаренко, тяжело раненый въ первые же дни, капитаны: Кривошея, Бѣлинъ, Юренинскій, Голбанъ, Артоховъ и Ярѣмчукъ, — галлиполійцы, совершившие вмѣстѣ съ ихъ павшими соратниками второй «Походъ».

Судьба улыбнулась испанскимъ бѣлымъ: они побѣдили. Она была жестока съ нами: у насъ только воспоминанія о минувшей доблести и... безчисленныя, безвѣстныя могилы, разбросанныя по всемъ странамъ свѣта. Мы даже не имѣемъ возможности узнать, что стало съ нашими могилами въ Галлиполи, гдѣ турецкое правительство, боясь, какъ огня, всего русскаго, слесало галлиполійскій памятникъ и перенесло останки нашихъ братьевъ на старое армянское кладбище...

Кажется — Галлиполи умерло и нѣтъ никакихъ вѣстныхъ признаковъ того, что было въ 1920-1922 г.г. знакомъ русской славы и оправданіемъ нашего существованія... Но это только кажется!

Покуда мы живы, покуда осталось хоть нѣсколько галлиполійцевъ, идея Галлиполи не умретъ. Она будетъ сохранена нами, какъ страница доблести отступившей, но духомъ не побѣжденной Русской арміи, она сохранится въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ, чтобы они знали, что Родину можно сохранить и въ изгнаніи, а въ побѣду можно вѣрять и въ самыхъ тягчайшихъ условіяхъ существованія.

Галлиполійцы это доказали и въ подвигахъ кутеповской борьбы въ Россіи, и въ испанской войнѣ, и въ тягчайшихъ условіяхъ борьбы въ рядахъ Русскаго Корпуса въ Югославіи. Вѣрность своей идеѣ они доказываютъ, принимая участіе въ сохраненіи своихъ организацій, въ разнообразной работѣ въ русскихъ национальныхъ организаціяхъ, въ русской антибольшевистской печати, словомъ, въ самомъ широкомъ участіи въ россійскомъ национальномъ освободительномъ движеніи, которое, несмотря на всѣ трудности, растетъ и привлекаетъ къ себѣ всѣ здоровые элементы россійской эмиграціи.

И, склоняясь молитвенно передъ могилами нашихъ павшихъ братьевъ, мы останемся вѣрны клятвѣ, данной нами при вступленіи въ Добровольческую армію и подтвержденной въ Галлиполи: «Все для Родины».

Брюссель.

Капитанъ Орѣховъ.

Последнему командиру полка

(ПАМЯТИ ген. М. М. ЗИНКЕВИЧА)

23-го февраля 1945 года от ран, полученных в бою с коммунистическими партизанами в Сербии, скончался командир Алексеевского пехотного полка генерал-майор Михаил Михайлович Зинкевич.

Покойный по окончании Киевского кадетского корпуса и Михайловского арт. училища был выпущен в артиллерию. Окончив затем Николаевскую академию генерального Штаба, он занимал ряд штабных должностей. В Великую войну 1914-1818 г.г. был награжден орденом Св. Великомученика и Поблдоносца Георгия 4-ой степени. Революция застала его на кавказском фронте. Во время гражданской войны он был представителем главного командования в Тифлисе и прибыл в Крым за несколько дней до эвакуации войск. Покинув вместе с армией ген. Врангеля последний клочек родной земли и не получив в Константинополь никакого назначения, он просил разрешения главнокомандующего отправиться в Галлиполи рядовым, что ему и было разрешено. Способный офицер генерального штаба он в Галлиполи вскоре получил должность инспектора классов Николаевского кав. училища, а затем, после отрешения от должности ген. Гравискаго, впоследствии в Болгарии перешедшего на сторону большевиков, был назначен командиром Алексеевского пех. полка.

Вскоре после приема полка Михаил Михайлович заслужил любовь всех чинов полка. Благожелательный, обладающий приятным и обходительным характером и вместе с тем достаточно строгий по службе, он сумел завоевать у подчиненных беспорочное уважение, которое и сохранил вплоть до своей смерти.

Непримиримый идейный враг большевиков, он не прекратил своей работы и после перехода армии на новое положение. Будучи назначен председателем Общества Галлиполийцев, он в течение ряда лет до 1939-го года издавал и редактировал Вестник Галлиполийцев, отдавая этому любимому им делу свободное от работы для добытия хлеба насущного время.

Когда в Сербии был образован Русский Охранный Корпус для борьбы с большевиками (как тогда многие вѣрили), Михаил Михайлович, не задумываясь, вступил в него, не поколебавшись оставить без всяких средств свою семью в Болгарии. Много пришлось ему перенести разочарований и горя во

время службы в корпусе. Безмысленная и дживная политика немцев, приведшая их в конечном счете к гибели, давала себя знать и в отношении к корпусу. Но, раз вступив в него, генерал Зинкевич не захотел его покинуть, считая, что борьба с коммунистами даже на чужей земле должна способствовать освобождению в будущем России от красного ига.

Назначенный командиром юнкерского батальона, он все свои силы отдавал заботам о моральном и воинском воспитании русского юношества, вступившего в ряды корпуса. Но события развивались быстро. Война немцами была проиграна. Части Охранного Корпуса с боями пробивались на запад. Вот как описывает последние дни Михаила Михайловича один из очевидцев, офицер 2-ой роты 5-го полка, в котором тот командовал батальоном: — «Генерал Зинкевич, несмотря на свой уже немолодой возраст, во всех отношениях был на своем месте. Во время боев, по традиции первых добровольцев, он всегда шел не пригибаясь — во весь свой высокий рост. Ранен он был осколками снаряда, разорвавшимся между ним и командиром 2-ой роты Марковским пех. полка подполковником Чибриновым. Генералу перебило голени обеих ног; кроме того он получил много мелких ранений.

Когда его переносили на носилках из штаба батальона в лазарет, он держал руки закинутыми за голову. По дороге к раненому подходили все, кто мог, из 2-ой роты. Увидав меня, он спросил: «Сереза, это 2-ая рота?..» Я ответил утвердительно. — «До свиданья, желаю боевого счастья; поправлюсь — вернусь опять». Миѣ, да и нам всем, не пришлось более увидеть нашего блестящего командира батальона. Ген. Зинкевич скончался от ран в девять часов утра 23-го февраля 1945 года. Подполковник Чибринов умер на следующий день.

Так ушел из жизни последний командир Алексеевского полка, оставший до конца верным своему пониманию долга.

Все Галлиполийцы и чины Алексеевского полка сохранять о нем память, как о стойком бѣломъ беригѣ, смертью своей запечатлѣвшемъ вѣрность своимъ идеаламъ. Царство ему Небесное.

Полковник С. Мацлевъ.

Париж.

ГАЛЛИПОЛИ

Ноябрь 1920 года — это мѣсяцъ въ исторіи антибольшевѣцкой борьбы чрезвычайно важный, значеніе котораго, быть можетъ, еще не осознано вполне нами самими: въ этотъ мѣсяцъ рѣшились и опредѣлились многіе дальнѣйшіе пути русскаго Зарубежья. «Россія на корабляхъ» могла высадиться на «разныхъ берегахъ». Какъ распаленная и еще жидкая лава, стекая и застывая, принимаетъ очертанія тѣхъ формъ, которыя она встрѣчаетъ на своемъ пути, такъ и Бѣлая Армія, еще горячая и распаленная, могла, застывая, затвердѣть и отлиться въ разныя формы, въ зависимости отъ того, куда и какъ она будетъ влита. Но уже не бездушная природа, не случайная очертанія историческихъ скатовъ, а напряженная патристическая воля спасшего Армію Главнокомандующаго дала ей эту форму. Его воля и крѣпкія руки исполнителя и «главнаго мастера» генерала Кутепова отлили ее не въ бѣженскую, а въ армейскую форму въ томъ мѣстѣ, которое послѣ этого стало извѣстно не только какъ мѣсто неудачи «союзниковъ», но и огромнаго успѣха русскихъ, мѣсто, которое съ тѣхъ поръ, уже какъ нарицательное, стало извѣстно каждому русскому за рубежомъ.

Горячая русская лава вылилась не на распутныхъ базарахъ Константинополя, а на пустынномъ полуостровѣ Галлиполи, и затвердѣла тамъ въ желѣзные формы русской Арміи за рубежомъ... Никто изъ участниковъ Галлиполи никогда не утверждалъ, что все, что тамъ происходило, было совершенствомъ и не имѣло недостатковъ.

Съ достоинствомъ, искренностью и правдивостью объ этихъ недостаткахъ и о томъ, какъ постепенно преодолевалось все отрицательное, какъ жаркимъ южнымъ лѣтомъ 1921 года въ Галлиполи выпорѣло и вывѣтрилось все, что было отрицательнаго и тогда неизбежнаго въ гражданской войнѣ, — рассказываетъ, повѣствуя объ инспекторскомъ смотрѣ генерала Эка, — коллективный трудъ самихъ участниковъ галлиполійскаго сиднѣя-подвига.

Тяжело было въ Галлиполи положеніе офицеровъ, несшихъ обязанности солдатъ (и не въ обстановкѣ боя), тяжела была суровая дисциплина, тяжела была для многихъ и непонятны, послѣ всего пережитаго, строевыя занятія. Но если бы не было всего этого, можетъ быть, и не было бы тѣхъ удивительныхъ подвиговъ, самаго безпристрастнѣйшаго аттестата, который выдало 1-му Корпусу интернациональное (турки, греки, армяне, евреи) Галлиполи при его отъѣздѣ.

Корпусъ состоялъ изъ голодныхъ, измученныхъ людей, никому, однако, не чинившихъ обиды и, по заявленію оффиціального предста-

вителя города, несравнимымъ съ арміями тѣхъ многихъ народствъ, которые перебывали тамъ недавно, во время великой войны. И, не говоря уже о томъ, что галлиполійскому опыту былъ въ то время реально противопоставленъ его иностранными и русскими врагами только двойной и равно «ублительный» опытъ: на западѣ — рабство въ Бразиліи, а на востокѣ — истребленіе въ Новороссійскѣ, — если сравнить состояніе людей въ другихъ лагеряхъ, гдѣ были интернированы русскіе офицеры и солдаты (Польша, Финляндія), гдѣ не было предсудованныхъ строевыхъ занятій, если сравнить то, какъ ужасно опускались тамъ люди, по недѣлямъ не выходившіе изъ барака, не ууввавшіеся, отѣпневшіе, подавленные неудачей, то будетъ ясно, что всѣ недостатки Галлиполи сторицею окупались его достижениями.

Дѣло, которое сдѣлалъ генералъ Кутеповъ въ Галлиполи, очень велико и многосторонне. Оно касалось и людей (которые пошли туда, повѣривъ Главнокомандующему и ему, и остались тамъ послѣ разрѣшенія уйти отсюда), и идеи (которой эти люди служили)...

Что же было такой идейной духовной осью, стержнемъ Галлиполи? Часто въ Галлиполи кружилась голова отъ голода, но она «кружилась» не только отъ этого. Она «кружится» и сейчасъ отъ радостнаго сознанія, что въ одинъ изъ самыхъ страшныхъ моментовъ нашей блблй жизни, въ моментъ, казалось бы, предѣльнаго провала, на пустынной и суровой землѣ, въ далекой чужбинѣ — твердо, вѣрно и спокойно вдругъ вновь завѣяли наши старыя военныя знамена, не «доскутки», не «тряпки», не «генеральская забава», а овеществленная, материализованная честь Россіи. И вездѣ смущенное или поникшее, тамъ взвилось и заколыхалось наше общее трехвѣтное знамя.

В «Голомъ Полѣ» день и ночь безпрерывной смѣной молчаливыхъ русскихъ часовыхъ совершалась «Лигурія Великой Россіи». И это то и было идейнымъ стержнемъ Галлиполи, его ядромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зарядомъ Галлиполи и какъ событія, и какъ заданія, Галлиполи. Лемноса, Чаталджи. Бизерты — всѣхъ «Галлиполи»... И пафосъ пошедшихъ туда и тамъ оставшихся былъ все тотъ же бѣлый пафосъ долга и радости добровольнаго («добровольческаго») служенія.

Галлиполійское сиднѣе продлилось болѣе года. Оно завершило собой трехлѣтній періодъ борьбы и оно послужило фундаментомъ для будущаго. Это былъ и достойный прошлаго энлиговъ, и вѣрное идеѣ этого прошлаго предисловіе, вступленіе къ новому періоду борьбы.

Мюнхенъ.

Н. Цуриковъ.

